

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ В СФЕРЕ ОТГЛАГОЛЬНОЙ СУБСТАНТИВНОЙ ДЕРИВАЦИИ

Рассматриваются особенности окказионального словотворчества в детской и взрослой речи в сфере отглагольной субстантивной деривации. Проводится сопоставительный анализ специфичных для данных возрастных категорий моделей образования окказиональных дериватов данного типа обусловленными возрастными факторами.

Окказиональное словотворчество характерно как для детской речи, так и для речи взрослых. Для окказиональных новообразований обеих возрастных групп характерны некоторые особенности, отличающие их от слов нормативного языка: речевая принадлежность (А. Г. Лыков, В. В. Лопатин, Е. А. Земская, Н. Г. Бабенко и др.), зависимость от контекста (А. Г. Лыков), новизна формы и / или значения (Н. И. Фельдман, В. В. Лопатин и др.), постоянная экспрессивность (А. Г. Лыков, Э. И. Ханира и др.), производный характер (Е. А. Земская, А. Г. Лыков и др.). Кроме того, многим окказиональным дериватам свойственны структурное несоответствие словообразовательной системе языка (Э. И. Ханира, Е. А. Земская и др.), творимость, функциональная одноразовость (В. В. Лопатин, И. Л. Загрузная и др.), номинативная факультатив-

ность (А. Г. Лыков) и некоторые другие.

Помимо того, что окказиональные слова обладают рядом характерных признаков, отличающих их от слов нормативного языка, существенные различия наблюдаются между дериватами данного типа с точки зрения их возрастной принадлежности. Не все признаки, свойственные окказионализмам взрослых, характеризуют детские новообразования. Одним из таких признаков является индивидуально-авторская принадлежность (А. Г. Лыков, Е. А. Земская, Н. И. Фельдман и др.), свойственная для многих окказиональных дериватов в словотворчестве взрослых. В случае же детского окказионального словотворчества следует говорить не о принадлежности конкретному лицу, а о принадлежности возрастной группе в целом.

Окказиональные новообразования могут создаваться как в чисто номинативных, так и в стилистических целях. Номинативный характер имеет словотворчество детей, т. к. они посредством создания нового слова восполняют пробелы своего лексикона. С точки зрения взрослых, многие детские окказиональные дериваты характеризуются номинативной факультативностью по причине существования в языковом узусе их нормативных эквивалентов. Дети же данная особенность их новообразований не осознается, и они уверены, что употребляют единственно верный вариант.

Определенные несоответствия в признаках, присущих окказионализмам детей и взрослых, а также наблюдаемая структурно-семантическая специфика данных новообразований обуславливаются различием причин словотворчества обеих возрастных категорий. Как правило, словотворчество взрослого человека, направлено на преднамеренное нарушение языковых законов с целью достижения определенной выразительности, привлечения внимания собеседника, выраженной определенной коннотации и т. д. Детское же окказиональное словотворчество, напротив, вытекает из незнания норм языкового узуса. Данный процесс протекает неосознанно, характеризуя речевое развитие ребенка в целом и представляя отдельный этап становления грамматически правильной речи.

В настоящей статье рассматривается сфера отглагольной субстантивной деривации в окказиональном словотворчестве детей и взрослых. Данный выбор обосновывается, прежде всего, активностью и высокой частотностью употребления данными возрастными группами глагольных основ в качестве производящей базы для образования окказиональных имен существительных. Основой классификации материала данной статьи служат структурно-семантические характеристики субстантивных дериватов, позволяющие объединить их в соответствующие группы.

В речи детей достаточно большую группу отглагольных субстантивов составляют так называемые синтаксические производные, имеющие значение *отвлеченного действия*, образованные в большинстве случаев посредством форманта *-н(и)j(e)* либо *нулевого суффикса: думание, смеяние, плачение, освежение, обгрызание, жаление, брание; царап (от "царапать"), сид, прыг ("А теперь перейдем на легкий прыг!")* и др. Окказиональные новообразования с суффиксом *-н(и)j(e)* демонстрируют склонность детей к наименованию действия со значением длительности. Кроме того, данная деривационная модель характеризуется высокой продуктивностью и регулярностью в нормативном языке, в том числе и речи, обращенной к ребенку. В свою очередь, окказиональные дериваты с нулевым формантом демонстрируют аналитическую тенденцию в словотворчестве детей, частным случаем которой являются "слова-осколки". Наши наблюдения подтверждают мнение Т. Н. Ушаковой о том, что повторяемость в речи ребенка одних и тех же аффиксов в сочетании с разными корнями способствует формированию в ментальном лексиконе парадигмальных структур и, соответственно, появлению выше описанного явления в словотворчестве детей [3, 65]. Кроме уже перечисленных в качестве мотиваторов выше описанного значения могут выступать и другие форманты: *чинка, получка (ср. получение), поменка (от "поменять"), дожсёвка, нырба, кольба (в боку), брызгань, дресня (от глагола "дрессировать")*.

Для словотворчества взрослых также характерно

активное образование девербиатов со значением *отвлеченного действия*. Тем не менее, данное явление проявляет свои специфические черты. Как и в детской речи, в словотворчестве взрослых в качестве наиболее продуктивного мотиватора выступает суффикс *-н(и)j(e)*: *деньканье, цвиканье (Б. Раевский), дудуканье пулеметов (В. Астафьев), заболтывание красивыми словами (разг.), накаркивание похоронное (В. Стрелец), проформатывание (Ю. Нагибин)*. Мотивирующая база данного словообразовательного типа характеризуется большим разнообразием и нередко включает окказиональные глаголы, произведенные от субстантивных и адъективных основ: *массовое, пооловное волейболизирование всей свердловской жизни (Н. Коняев); царское самоварничание, домашнее гениальничанье (Ю. Нагибин), разлитературивание текста (М. Сухоткин), художничанье (В. Некрасов) и др.*

Образование окказионализмов при помощи нулевого суффикса характерно для языка художественной литературы. Будучи более короткими по форме, они имеют достаточно резкое звучание, чем и привлекают внимание мастеров слова. Доказательством тому служит то, что многие из подобных новообразований мотивируются глаголами звучания. Примеры такого употребления отглагольных субстантивов мы находим в произведениях В. Маяковского, С. Есенина, Ю. Нагибина, М. Цветаевой и др.: *теньк (В. Маяковский), совинный ух, карк (С. Есенин), чавк, перебрех, треньк, ох, отзвень (Ю. Нагибин), всхруст (М. Цветаева), бугайская мышь (И. Сельвинский) и др.*

Наряду с производством отглагольных субстантивов со значением отвлеченного действия в словотворчестве детей наблюдается достаточно активная тенденция образования отглагольных дериватов со значением *лица*, а также с *орудийным значением*. Ученые (С. Н. Цейтлин, Н. М. Юрьева и др.) объясняют огромное количество в детской речи отглагольных существительных данных семантических типов способностью и склонностью детей соотносить предмет познания с его функциональными характеристиками – действием.

Согласно нашим наблюдениям, наиболее многочисленную подгруппу составляют дериваты, имеющие *профессиональную направленность*. В качестве наиболее продуктивных формантов выступают суффиксы *-чик / -щик / -льщик- (женск. -щиц-), -тель / -итель- (женск. -тельниц-): ремонтировщик, гриммировщик, возильщик, садильщик, копальщик, умывальщик, помощница, сниматель (о фотографе), продавательница, сторожитель, пильтель, мытель, рубитель, забиватель, тушитель, молотитель, лечитель (ср. врач), обслуживатель и т. д.* Е. А. Земская ограничивает сферу действия суффикса *-тель-* в настоящее время производством *неузальных слов-характеристик*. Наши наблюдения за словотворчеством взрослых подтверждают утверждение ученого о том, что профессиональные наименования типа *учитель, писатель, стропитель, водитель* являются продуктом прошлого [5, 118]. Однако данные слова довольно часто употребляются в речи детей и окружающих их взрослых, представляя тем самым образец для подражания. В качестве мотивирующей базы в большинстве случаев выступают глаголы со значением трудовой деятельности, среди которых наибольшей активностью характеризуются глаголы со значением действия, совершаемого посредством определенного орудия / инструмента.

При образовании окказионализмов выше описанной семантики в словотворчестве детей могут наблю-

даться некоторые несоответствия регулярным отношениям производности: *певист* (ср. *певец*), *стиральник*, *убиральник*, *дрессун*, *шьюха*, *шилица* (о швее) и т. д. Так, например, в нормативном языке суффикс *-ист-* образует производные существительные от именных основ (существительных и прилагательных) (*шахматист*, *танкист* и т. д.). Формант *-льник-* в языковом узусе выступает в качестве продуктивной словообразовательной единицы для производства субстантивов с орудийным значением (*кипяильник*, *напильник* и т. д.). Суффиксы *-ун-* и *-ух-* характеризуют объект по действию (*болтун*, *крикуха* и т. д.). Суффикс *-иц-*, в свою очередь, выступает в качестве модифицирующего средства для выражения значения *женскости* (*красавица*, *упрямица* и т. д.) либо для выражения лица, характеризующегося признаком, названным мотивирующей адъективной основой (*пьяница*, *умница* и т. д.).

Активное образование детьми выше отмеченных окказиональных имен существительных со значением профессиональной деятельности объясняется незнанием с их стороны соответствующих нормативных наименований. Данные дериваты создаются исключительно в номинативных целях, восполняя тем самым пробелы в детском лексиконе.

Как показало наше исследование, наряду с образованием окказиональных имен существительных, являющихся наименованиями определенных профессий, в детской речи наблюдается достаточно активное образование девербиатов, характеризующих лицо по выполняемому им действию и имеющих значение "склонный к действию". В качестве мотиваторов значения выступают все выше перечисленные суффиксы, а также *-лк(а)* и *-х(а)*: *забыватель*, *куритель*, *пошумитель*, *пугатель*, *слун*, *мечтун*, *терпун* (кто в терпун), *крадун*, *кусун*, *падальщица* (о падающей девочке), *ругальница*, *просилка*, *перепутка* (все перепутывает), *смешилка*, *забывалка*, *ходилка*, *непомнилка*, *убиралка*, *пугалка*, *мешаха* (Есть *мешахи*, а есть *немешахи!*), *забываха* (Ах, ты, *забываха*, *забываешь свой тапок!*). Если глаголы со значением трудовой деятельности проявляют активность при образовании окказионализмов, имеющих профессиональную направленность, то в случае с окказиональными новообразованиями, характеризующими человека по действию, в качестве мотивирующей базы выступают глаголы со значением психического состояния, психического воздействия, ментальной деятельности, реже со значением физического воздействия и т. д.

В отличие от детской речи в словотворчестве взрослых отлагольные дериваты со значением лица выступают в большинстве случаев в качестве характеризующих средств, описывая *склонность субъекта к конкретному действию*: *кидатели* ботинок (Е. Евтушенко), *разглаживатель* дамских морщин (В. Маяковский), *листатели* журналов (разг.), *жеватель* галстуков (Интернет), *зудатель*, *спатель*, *скакатель* (разг.), *глотатель* продуктов (С. Солоух), *обещальщик* (Г. Николаев), *развлекальщик* (устн. р. к/ф), *хотельщики* (Ю. Герман) и др. В разговорной речи достаточную активность в образовании окказионализмов данного типа проявляет формант *-лк(а)*: *шипелка* (о соседке) (пример Е. А. Земской), *щадилка* (о собаке) (пример Е. А. Земской), *шутилка*, *хотелка*, *просилка* и т. д.

Несмотря на некоторое структурное сходство выше представленных окказиональных дериватов обеих возрастных групп, между ними наблюдаются определенные различия в семантическом плане. Как правило,

подобные новообразования в словотворчестве взрослых употребляются в шутовском контексте и выражают ироничное отношение говорящего к объекту. Так, например, окказиональные новообразования с суффиксом *-тель-* создают нарочитый комизм посредством того, что они у слушающего / читающего вызывают ассоциации с хорошо известными профессиональными наименованиями той же деривационной структуры (ср. *воспитатель*, *учитель*, *строитель*), которые, хотя и не характеризуются достаточной активностью в современном словопроизводстве, относятся к разряду часто употребляемых лексических единиц.

В словотворчестве взрослых в целях создания юмористического эффекта также создаются окказиональные наименования *лиц определенной профессии*: *раздевальщик* (о гардеробщице) (пример Е. А. Земской), *подавальщик* (об официанте) (разг.), *выступатель* (о политике) (разг.) и т. д.

Как было сказано выше, детская речь изобилует окказиональными дериватами со значением орудия действия. В качестве словообразующих формантов выступают суффиксы *-лк(а)*, *-тель-*, *-льник-*, *-к(а)*, *-льщик-*: *завивалка*, *свервалка*, *запоминалка*, *вешалка* (о весах), *алёкалка*, *лечилка*, *огорчитель* (о плохом слове), *увивитель* (об увеличительном стекле), *вспоминатель*, *выигрыватель*, *убитель*, *затыкатель*, *прибиватель*, *вытиральник* (о полотенце), *слушальники* (о наушниках), *пахальники* (о плуге), *крутильщик* (щипцы для завивки), *точильник*, *надутка* (о насосе), *пошленка* (для мух), *печатальщик* (принтер) и др. Выше приведенные примеры свидетельствуют о склонности детей выбирать в качестве мотивирующей основы глаголы со значением физического воздействия на объект, чуть реже глаголы, обозначающие ментальную деятельность либо выражающие значение психического воздействия.

В словотворчестве взрослых образование субстантивов с орудийным значением характерно, как правило, для разговорной речи: *разрезыватель* для пиццы, *крутилка*, *дымелка* (о сигарете), *рисовалка*, *таскалка* (о курсоре), *издевалка* (об игре), *размешивалка*, *измерялка*, *слушалка* и т. д.

Следует отметить своеобразный полисемантизм, характерный для многих детских и взрослых новообразований с суффиксом *-лк(а)*. Так, окказионализм "*мазалка*" в зависимости от ситуации может обозначать "*косметический крем*" либо "*мазь*" (пример Е. А. Земской), "*крутилка*" (разг.) – "*отвертку*" либо "*заводной механизм в часах*", "*измерялка*" (разг.) – "*рулетку*" либо "*тонометр*", "*курилка*" (детск.) – "*сигарету*" либо "*зажигалку*" и т. д.

Представленные выше окказиональные дериваты со значением орудийности несколько не отличаются от соответствующих детских новообразований ни формой, ни семантикой производящей базы, что объясняется специфической направленностью разговорной речи, которой свойственен непринужденный характер. Однако в отличие от детей взрослые в большинстве случаев осознают новизну созданных ими лексических единиц, употребляемых нередко с оттенком иронии.

Из сказанного выше можно заключить, что в словотворчестве детей и взрослых наблюдаются как одинаковые, так и отличительные тенденции. Для обеих возрастных групп характерно активное образование окказиональных субстантивов со значением лица, орудия, отвлеченного действия. Вместе с тем анализ окказиональных новообразований обеих возрастных групп показал, что для словотворчества взрослых характерно

осознанное обыгрывание формы хорошо известных лексических единиц с целью выражения скрытого смысла. Многие окказиональные слова, употребленные взрослыми с шутливо-ироничным подтекстом, выступают в тексте в качестве стилистически маркированных элементов. Для окказионального словотворчества детей в сфере отглагольной субстантивной деривации не характерно выражение коннотативных значений. Примером тому служат окказиональные новообразования, имеющие профессиональную направленность. Сравнительный анализ производящей базы выявил явную

ориентацию ребенка на глаголы выражающие физическое манипулирование объектами либо со значением трудовой деятельности. Реже в качестве мотивирующей основы употребляются глаголы со значением ментальной деятельности, психического состояния, а также глаголы, выражающие психическое воздействие на объект, однако их количество ограничено лишь несколькими отдельными словами, активно употребляющимися в речи детей и окружающих их взрослых (*забывать, бояться, пугать, удивлять, вспоминать, смеяться, мечтать и некоторые другие*).

Литература

1. Ушакова, Т. Н. О Механизмах детского словотворчества // Т. Н. Ушакова // Вопросы психологии. – 1969. – № 1. – С. 62-73.
2. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – 2-е изд., стереотипное. – М.: КомКнига, 2005. – 224 с.